

УДК 304

DOI: 10.17223/22220836/30/11

Л.В. Пейгина

ИДЕНТИЧНОСТЬ СУБЪЕКТА ФАНДОМНОЙ КУЛЬТУРЫ КАК АВТОПРОЕКТ В УСЛОВИЯХ ОБЩЕСТВА ПОСТМОДЕРНА: ДИАЛЕКТИКА ВЫЗОВА И БЕЗОПАСНОСТИ

В статье предпринята попытка проанализировать диалектику безопасности и вызова как основу фандомной культуры, в рамках которой формируется идентичность её субъекта, на разных уровнях: социальном, культурном, психологическом и экзистенциальном. В процессе анализа показана противоречивая природа фандомной культуры, рассмотрены способы, с помощью которых её субъекты, конструируя собственную идентичность, бросают вызов существующим общественным и культурным отношениям, самим себе и реальности, а также описаны условия и механизмы, с помощью которых обеспечивается безопасность фандомной среды. В основании авторской рефлексии лежит представление о фанфикшн как форме творческой деятельности, в которой отражены тенденции постмодернистского художественного творчества. Эта деятельность протекает в рамках сообщества фандома, которое включено в контекст всей существующей культуры, в свою очередь отражающей представления современного человека о мире и несущей на себе отпечаток его сознания.

Ключевые слова: идентичность, фанфикшн, фандомная культура, неопределённость, самопроектирование.

Выдвижение исследований идентичности на передний план современного гуманитарного знания связывается зачастую с актуальным состоянием общества, которое в наши дни характеризуется нарастающей скоростью политических, социальных, технологических изменений. Е.П. Белинская определяет современное состояние проблематики идентичности в качестве «одной из „болевых точек“ наук о человеке» [1]. Она же далее цитирует Т.Д. Марцинковскую: «...проблема идентичности всегда актуализировалась в сознании и ученых, и общества в периоды слома, кризиса, неопределенности, когда вставали вопросы о том, какие нормы, ценности, эталоны будут востребованы завтра, как будут трансформироваться нормы и правила поведения» (цит. по: [1]).

П. Штомпка рассматривает социальные изменения как травму, так как за счёт высокого уровня неопределённости оказывается под угрозой потребность человека в экзистенциальной безопасности, которая определяется данным автором как естественное тяготение к порядку. Многие авторы (среди них, например, Г.М. Андреева, Е.П. Белинская, И.А. Климов) определяют современное состояние человеческой идентичности как «кризис», поскольку она утратила устойчивость своих оснований, что является отражением кризисного состояния общества, проявляющегося, в частности, в характерном для постмодерна отказе от целостной картины мира. Как возможно формирование и функционирование идентичности в условиях «многоликости» социокультурной реальности, фрагментарности и ситуативности человеческого существования? Этот вопрос становится принципиально важным для совре-

менной гуманитаристики, с учетом того, что комплексная модель идентичности, дающая представление о принципах функционирования и взаимосвязи ее различных типов и уровней, сегодня отсутствует [2]. Е.П. Белинская в этой связи предлагает говорить не только о кризисе собственно идентичности, но и о кризисе знания о ней [1].

По замечанию Е.А. Сергодеевой, «современная цивилизация, достигшая небывалой сложности в своем развитии, порождает новый масштаб проблем», но в то же время и «новый уровень человеческих возможностей» [3. С. 99–100]. В постмодернистском мире идентичность становится не только «проблемой», но и правом – «в фундаментальном смысле этого слова (по аналогии с правами человека) – как свободы, свободы выбора своей идентичности» [4. С. 184]. Причём право выбора понимается в том числе и как право не выбирать. Согласно З. Бауману, сущность жизненной программы современного человека – в избегании всякой фиксации социального места, времени, позиции. Это вечный путешественник, отказывающийся выбирать, а по сути – отказывающийся отказываться, так как любой выбор чего-то ведёт за собой необходимость отказа от чего-то другого. Этот феномен неоднозначен, поскольку его можно рассматривать одновременно и как проявление безответственности (с позиции традиционных представлений), и как новую форму ответственности, самопроектирование, желание воплотить в жизнь «все варианты» себя.

Метафорой такого положения дел может служить фанфикшн (по определению К.А. Прасоловой, – литературное творчество поклонников произведений популярной культуры, создаваемое на основе этих произведений в рамках интерпретативного сообщества (фандома) [5]). Наличие сюжета, раз и навсегда фиксированного развития событий в литературном произведении – это воплощение идеи судьбы в человеческой жизни. По выражению Умберто Эко, «литература учит человека умирать», поскольку порядок событий в произведении не изменится, сколько бы раз мы ни перечитывали его [6]. В таком случае фанфикшн – это преодоление неизбежности, провозглашение принципа неопределённости, отражение идеи о бесконечном множестве существующих миров-вариантов. Н.В. Самутина полагает, что «в основе аксиологии фанфикшн лежит модель осознанного выбора» [7. С. 159]. И в первую очередь это выбор себя и своего пути. Предоставляя выбор своему герою, автор фанфикшн одновременно отстаивает и своё право на подобный выбор.

Особое внимание автора статьи привлекла проблема соотношения таких противоречивых тенденций функционирования фандомной культуры, как, с одной стороны, свободное конструирование новой художественной реальности на основе первоисточника, подразумевающее разнообразные вызовы существующим культурным и социальным нормам, а также самому себе; с другой – стремление сохранить и обеспечить безопасность условий, в которых этот вызов осуществляется. Данное противоречие может быть концептуализировано как диалектика вызова и безопасности. Целью автора являлся анализ проявлений диалектики вызова и безопасности как основы фандомной культуры, в рамках которой формируется идентичность её субъекта. Для этого, в первую очередь, представляется необходимым указать на связь фандомной культуры с постмодернистским типом мышления, затем рассмотреть

проявления диалектики безопасности и вызова на разных уровнях (социальном, культурном, психологическом и экзистенциальном).

Фанфикшн в данной статье рассматривается как форма творческой деятельности, в которой наглядно и полно, доходя до крайности, выражаются тенденции, характерные для постмодернистского художественного творчества. Но фан-тексты создаются и существуют внутри сообщества фандома, оказывающего на них огромное влияние. Одновременно само фандомное сообщество включено в контекст всей существующей культуры, которая, в свою очередь, отражает представления современного человека о мире и несёт на себе отпечаток его сознания. Всё это следует иметь в виду при обращении к проблеме идентичности субъекта фандомной культуры.

Зарубежные исследователи фандомной культуры, такие, например, как Чэндлер-Олькотт и Махар, А. Томас, С. Летонен, приходят к выводу о том, что вовлеченность в онлайн-общение по поводу любимых текстов позволяет членам фандома практиковаться в определении и создании собственной идентичности и одновременно предоставляет площадку для обсуждения причин и последствий всех возможных выборов. Таким образом, фандомная культура становится безопасным анонимным пространством, в котором работа по исследованию и конструированию идентичности происходит в форме творческой игры. Следует упомянуть, что человек, вовлекаясь в эту игру, следует духу фандомной культуры. Но в таком игровом подходе трудно не заподозрить нечто большее, чем просто нормы конкретного сообщества, – автор статьи полагает, что это наглядный пример реализации игрового принципа, положенного в основание постмодернистского мира.

Игровой принцип связан с принципом неопределённости, на который опирается современное миропонимание. Этот принцип нашёл научное обоснование сначала в теории квантовой физики, потом в синергетике. Одна из книг физика И. Пригожина, известного своими исследованиями в области самоорганизации открытых неравновесных систем, называется «Конец определённости» (2001). Он же, говоря о современном романе, с его открытостью разным сюжетным поворотам, утверждает, что «такой универсум художественного творчества весьма отличен от классического образа мира, но он легко соотносим с современной физикой и космологией» [8. С. 51].

Миропонимание непременно находит своё выражение в культуре, не только отливаясь в форме определённых культурных продуктов, но и проявляясь в самом отношении к миру культуры. Можно сказать, что совершенство и законченность приглашают к наблюдению и изучению, а неопределённость – к участию. Так, уже созданная скульптура не подразумевает непосредственного взаимодействия с ней, неся на себе отпечаток своего создателя, практически не оставляющий места для чьей-то чужой субъективности, а кусок глины, наоборот, манит оставить на нём след собственной руки. На этом построены проективные методы психодиагностики и арт-терапевтические методы, предлагающие в качестве стимула максимально неопределённый материал (к примеру, пятна Роршаха). Однако в сознании фикрайтера (и более широко, в сознании человека современной культуры – собственно «культуры соучастия», в терминах Г. Дженкинса (2006), проявлением которой является фанфикшн) законченная скульптура представляет собой нечто, вполне подобное бесформенному куску пластилина. Или, точнее,

мозаике, кусочки которой можно выложить в иную картину, что отсылает нас к идее о фрагментарности постмодернистского сознания. Такой подход к культуре часто ассоциируется с подходом ребёнка, который воспринимает продукты культуры непосредственно и более реалистично, как нечто, рождающее такой же эмоциональный отклик и так же поддающееся изменениям, как события реального мира. Кроме того, ребёнку свойствен естественный эгоцентризм, который проявляется в том, что он видит себя центром мира – и точно так же он может стать центром мира, придуманного кем-то другим. Это подобно тому, как современный читатель перестаёт довольствоваться ролью наблюдателя и требует более активной роли. В то же время права создателя не присваиваются им в полном объёме.

Это соображение позволяет далее перейти к рассмотрению того, как представлено противоречие между вызовом и безопасностью на разных уровнях.

На **социальном** уровне указанное противоречие представлено, с одной стороны, вызовом существующему обществу, а с другой – безопасностью самого фан-сообщества.

Даже в современном мире, где фандомная культура – это огромный и постоянно растущий сегмент интернет-культуры, фанатство зачастую всё ещё воспринимается как некое «фриковатое» хобби или даже, по выражению К.А. Прасоловой, как «форма патологии», рассматривается «в негативном свете, как в СМИ, так и в научных работах» [5. С. 26]. Членство в фан-сообществе предполагает готовность субъекта быть «иным», противопоставлять себя стереотипам и клише массового сознания. В этом проявляется вызов фандомной культуры.

В то же время многие исследователи обращают внимание на безопасность фандома как среды, которая в принципе позитивно принимает любую инаковость, оригинальность, так как это сообщество основано на желании экспериментировать с каким-то изначально данным произведением, переиначивать происходящие там события, перекраивать его изнутри. Некоторые члены фандома связывают это со свободой идентичности вообще и уже – с сексуальной свободой. Также фан-сообщество предполагает очень свободное выражение ярких эмоций, поскольку изначально основано на аффективно окрашенном интересе к какому-то культурному продукту.

В таком безопасном принимающем пространстве, да ещё и способном на бурное выражение своего восторга, оказывается легко делиться какими-то собственными идеями, исследовать интересные для себя проблемы и вопросы, а также воплощать в жизнь собственные ценности и идеалы.

Функционирование современной фандомной культуры в пространстве Интернета обуславливает важнейшую характеристику ее среды – возможность фильтрации. Именно возможность фильтрации обеспечивает сохранение безопасности при наличии бесконечного количества возможностей и бесконечной свободы выбора. На социальном уровне фильтрация реализуется как фильтрация неприемлемых социальных взаимодействий.

На **культурном** уровне диалектика вызова и безопасности реализуется, с одной стороны, в вызове существующим культурным продуктам, формам и отношениям, а с другой – в создании собственной (суб)культуры. Важно помнить, что в современном мире принципы постмодерна, такие как несе-

рьёзность, ирония, преодоление границ, сосуществуют с традиционными представлениями о священности культуры. В этом смысле фанфикшн выступает неким «агентом» постмодерна в тылу более консервативного понимания ролей автора и читателя, противопоставления элитарной и массовой культуры и т.д.

Фандом – это интерпретативное сообщество, и важной его чертой является провозглашение принципиальной возможности любых интерпретаций канона, сколь угодно выходящих за рамки привычного. По мнению Н.В. Самутиной, «для русской литературоцентричной культуры, с ее пиететом перед классиками и „единственно верным“ их прочтением, с культивированием школьной робости перед „великим текстом“, само существование фанфикшн становится вызовом и имеет освобождающий эффект» [7. С. 168]. В особенности это становится заметно как раз там, где речь идёт о фандомах, образующихся вокруг классических литературных произведений [9]. По замечанию М. Скаф, фанфикшн «построен на преодолении традиций, шаблонов и любых границ» [10].

С другой стороны, в рамках самого сообщества формируются собственные привычные интерпретативные стратегии, находящие выражение в пространённых пейрингах (парах персонажей), разнообразных клише, популярных сюжетных ходах. В этом проявляется диалектика преодоления существующих стереотипов и создания новых, а следующим её витком являются высмеивание и ломка собственно фандомных стереотипов и клише.

Впрочем, в фанфикшн трудно отделить собственно интерпретацию от построения новой реальности, и в этом тоже заключается вызов привычным отношениям в культуре, где по одну сторону традиционно стоят создатели, а по другую – читатели и интерпретаторы. Фандомная культура подразумевает размывание границ, в первую очередь, между производителями и потребителями культуры, являясь формой того, что Генри Дженкинс (2006) назвал «культурой соучастия». Читатель в современном мире приобретает новый статус со-творца.

Возможность фильтрации на культурном уровне реализуется как фильтрация неприемлемых культурных форм. В частности, субъект фандомной культуры может не читать фанфики по Достоевскому и Толстому, если считает это неуважением по отношению к классикам; может избегать фанфиков, описывающих нетрадиционные сексуальные отношения, и т.д.

Одной из важных этических норм фан-сообществ является необходимость предупреждать читателя заранее о том, что он должен ожидать от фанфика, который собирается прочесть. Каждый фанфик содержит в качестве обязательного элемента так называемую «шапку» – своеобразный «паспорт» текста, в котором кратко излагаются его основные характеристики – жанр, размер, главные герои и т.д. В фан-сообществах разработана целая система «предупреждений», цель которых – оградить читателя от контента, который для него категорически неприемлем или же нежелателен в конкретный момент времени. Вместе с тем это помогает также упростить поиск текстов, содержащих те или иные характеристики по желанию читателя.

На **психологическом** уровне диалектика вызова и безопасности реализуется следующим образом. В плане вызова – безудержной творческой смелостью, возможностью исследовать самые тёмные области реальности и своей

личности, возможностью испытать всю гамму переживаний, экспериментированием со своей идентичностью.

По замечанию М. Скаф, в фанфикшн поведение героев зачастую «обусловлено не столько сюжетными требованиями, сколько самой доступностью инструментария» [10]: в фанфике можно написать про всё что угодно. В этом плане фанфикшн таит в себе множество возможностей для исследования самых разных ситуаций. В нём существуют очень «тяжёлые» жанры, в таких произведениях затрагиваются темы насилия (причём зачастую оно графически описывается), в них может царить атмосфера жестокости, тревоги, безысходности. В рамках таких текстов исследуются и раскрываются сложные, тяжёлые, часто табуированные в обществе темы, и они несут в себе функцию удовлетворения специфических эмоциональных потребностей автора и читателей.

На безопасность фандомной среды указывает то, что, несмотря на доступность переживаний любых эмоций, возможность фильтрации позволяет избегать неприемлемых или нежелательных эмоций. Фикрайтер может писать фанфики, которые удовлетворяют те или иные его потребности – «оживят» умершего в каноне любимого героя, позволят тем или другим персонажам быть вместе и т.д. Читатель также может выбирать тексты, которые, по его мнению, подарят ему искомые эмоции с помощью всё той же «шапки».

Кроме того, взаимодействие в фан-сообществе, как уже говорилось выше, проникнуто духом игры, некой изначальной «несерьёзности» и лёгкости. Это помогает избежать давления, в том числе внутреннего давления, справиться с перфекционизмом.

М. Скаф, размышляя о мотиве игры в фанфикшн, пишет, что специфика фанфикшн заключается в том, что «в некоторой степени весь фанфикшн сам по себе – детский», и далее цитирует Ю. Лотмана: «...„взрослая“ аудитория воспринимает текст как получатель информации, что она не вмешивается в происходящее в произведении, а стремится понять замысел автора. „Детская“ же аудитория воспринимает текст как забаву, полагая, что она лучше знает, что следует делать героям, как им выглядеть и одеваться, т.е. воспринимает художественный текст как игру в куклы. А кукла требует не созерцания чужой мысли, а игры» (цит. по: [10]).

К этому можно добавить, что психологически детям важно расширять и пробовать на прочность границы, но в то же время чтобы эти границы были, важно ощущение безопасности и незыблемости. Такова диалектика взросления.

Далее перейдем к обсуждению того, как диалектика вызова и безопасности реализуется на **экзистенциальном уровне**. В плане вызова – это возможность практиковать бесконечную неопределённость мира, что адекватно, по мнению многих исследователей, его современному состоянию.

Художественное произведение, став центром фандома, становится бесконечно вариативным, – и в этом пространстве вариативности возможно всё. Фанфики, включающие в себя описание жёстких сторон жизни (таких, как любые виды насилия, смерть, безумие, натуралистические описания секса и вообще человеческой телесности), бросают вызов не только общественному вкусу и устойчивости читательской психики, её способности выдержать поток «чернухи», но и чему-то более глубокому – читательскому чувству ре-

альности. Можно утверждать, что участники фан-сообществ как бы испытывают желание поддеть край художественной реальности и изучить обратную сторону. Это наблюдение отсылает нас к важному для постмодернистской культуры понятию деконструкции. С помощью деконструкции автор фанфикшн прокладывает в существующем произведении пути для собственной субъективности, исследуя и текст, и себя, и можно сказать, что, деконструируя канон, автор фанфикшн в то же время конструирует себя, создавая разнообразные варианты автопроектов.

Однако природа фандома противоречива и парадоксальна. Бросая вызов собственному чувству реальности, члены фандома всё-таки хотят оставаться в безопасности, которая обеспечивается существованием неизменного канона. Поэтому порой таких масштабов достигает недовольство по поводу появления новых частей, продолжений, сезонов.

На современном этапе своего развития власть фандома позволяет наложить «вето» даже на сам канон. Ярчайшим примером такого положения дел стала история с пьесой «Проклятое дитя» Дж.К. Роулинг. По сути, сложившийся вокруг «Гарри Поттера» фандом коллективно отверг этот сиквел к основному корпусу книг и отказался признать за ним статус канона (подробнее об этом – в статье Марии Скаф [10]).

Таким образом, фикрайтеры стремятся бросить вызов самим основаниям мира первоисточника, но при этом не готовы пожертвовать безопасностью. В рамках фанфикшн это оказывается возможным, поскольку как бы фикрайтер ни экспериментировал с миром и персонажами, канон останется неизменным. И если эксперимент выйдет не особенно удачным, фикрайтер может вернуться к началу, – на первоисточнике это не отразится никак. Фикрайтер может быть свободен, поскольку даже самые страшные и трагические его ошибки не разрушат исходный мир.

Что же касается автопроектов, то важно отметить: даже если фикрайтеры используют приём «самовнедрения» в текст, т.е. используют самих себя в качестве персонажей, они всё равно предоставляют героям отвечать за последствия сделанных выборов, имеют возможность фильтровать «разные варианты» себя, брать или не брать разработанный «проект себя» в реальность, что обеспечивает безопасность экспериментов в самоконструировании, сближая фанфикшн с таким психотерапевтическим методом, как сказкотерапия.

И вот при таких условиях, в такой безопасной среде, расцветают инициативность и креативность, появляются силы и идеи для творческого преобразования реальности произведения. Появляется возможность противостоять «заданному» течению событий, изменяя его по собственному усмотрению, возможность выбора и самостоятельного программирования жизни. То есть появляется способность взять на себя ответственность. Но эта ответственность не полная, поскольку всегда существует возможность «отыграть назад» и последствия принятых решений никогда не окажутся по-настоящему разрушительными, апокалиптическими. Однако именно такая мера ответственности оказывается посильной, приемлемой и адекватной для участников сообщества.

В этих условиях фикрайтеры могут безопасно исследовать всё что угодно, вплоть до опыта смерти. Смерть, разумеется, тоже никогда не будет пол-

ной ни для автора, ни для героя. Только лишь для одного его воплощения – в рамках конкретного фанфика. Но такая смерть не отменяет возможность героя жить в фанфиках того же автора или других. При желании авторы фанфикшн могут «отфильтровать» и смерть.

Литература

1. *Белинская Е.П.* Изменчивость Я: кризис идентичности или кризис знания о ней? // Психологические исследования. 2015. № 8 (40). С. 12 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1120-belinskaya40.html#e3> (дата обращения: 10.05.2018).
2. *Савельева Е.Н., Буденкова В.Е.* Идентичность как предмет теоретико-методологического анализа: модели и подходы // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2016. № 1 (21). С. 31–44.
3. *Сергодеева Е.А.* Экзистенциальная безопасность личности в ситуации глобализации // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2008. № 12. С. 99–107.
4. *Гречко П.К.* Идентичность, постмодернистская перспектива // Вопросы социальной теории. 2010. Т. IV. С. 171–190.
5. *Прасолова К.А.* Фанфикшн: литературный феномен конца XX – начала XXI века (творчество поклонников Дж.К. Ролинг): дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2009. 232 с.
6. *Eco U.* On some functions of literature [Электронный ресурс]. URL: <https://www2.bc.edu/richard-burley/files/eeco-onsomefunctions.pdf> (дата обращения: 10.03.2018).
7. *Самутина Н.В.* Великие читательницы: фанфикшн как форма литературного опыта // Социологическое обозрение. 2013. № 12 (3). С. 137–191.
8. *Пригожин И.* Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 46–52.
9. *Романенко К.* Болконский не умрёт, Чацкий в антиутопии, Обломов в будущем: фанфикшн по русской классической литературе [Электронный ресурс]. URL: <https://gorky.media/context/bolkonskij-ne-umret> (дата обращения: 10.03.2018).
10. *Скаф М.* Поттериана: десять лет спустя. О границах между фанфикшн и авторским текстом [Электронный ресурс] // Октябрь. 2017. № 11. URL: <http://magazines.russ.ru/october/2017/11/potteriana-desyat-let-spustya.html> (дата обращения: 10.03.2018).

Peigina Larisa V., Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: larisa.mareeva@gmail.com

Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History, 2018, 30, pp. 102–110.

DOI: 10.17223/2220836/30/11

IDENTITY OF THE SUBJECT OF FANDOM CULTURE AS AN AUTOPROJECT IN THE CONDITIONS OF A POSTMODERN SOCIETY: THE DIALECTICS OF CHALLENGE AND SECURITY

Keywords: Identity; fanfiction; fandom culture; uncertainty; self-design.

The promotion of identity research to the forefront of modern humanities is often associated with the actual state of society, which nowadays is characterized by the growing speed of political, social, technological changes. Many authors define the modern state of human identity as a “crisis”, because it has lost the stability of its foundations, which is a reflection of the crisis state of society, manifested, in particular, in the characteristic of postmodern rejection of an integral picture of the world. In the post-modern world, identity becomes not only a “problem”, but also a right to freedom of choice of one's identity. And fanfiction (the literary creativity of popular culture fans, created on the basis of these works within the framework of the interpretative community (fandom)) can be considered as a metaphor for this state of affairs. By providing a choice for their hero, authors of fanfiction simultaneously defend their own right to that choice, creating and filtering various autoprojects of identity.

The problem of correlation of the following contradictory tendencies in the functioning of fandom culture attracted special attention of the author of the article: on the one hand, it is the free construction of a new artistic reality on the basis of the primary source, implying various challenges to existing cultural and social norms, as well as to oneself; on the other hand, it is the desire to preserve and ensure the security of the conditions where these challenges are carried out. This contradiction can be conceptualized as a dialectics of challenge and security. The aim of the author was to analyze the manifestations of the dialectics of challenge and security as the basis of fandom culture, within the

framework where the identity of its subject is formed. For this, in the first place, it seems necessary to point out the connection between fandom culture and the postmodern type of thinking; then to consider manifestations of the dialectics of security and challenge at different levels (social, cultural, psychological and existential).

The fanfiction in this article is considered as a form of creative activity, in which the tendencies of postmodern artistic creativity are expressed vividly and carried to extremes. But fan-texts are created and exist within the community of fandom, which exerts a tremendous influence on them. At the same time, the fandom community is included in the context of the whole existing culture, which in its turn reflects the ideas of the modern person about the world and bears the imprint of his consciousness.

The article attempts to analyze dialectics of security and challenge as the basis of fandom culture, within the framework where the identity of its subject is formed, at different levels: social, cultural, psychological and existential.

The analysis shows the contradictory nature of the fandom culture, examines the ways in which its subjects in the process of designing their own identity, challenge the existing social and cultural relations, to themselves and reality, and describes the conditions and mechanisms by which the security of the fandom environment is ensured.

References

1. Belinskaya, E.P. (2015) The variability of self: an identity crisis or a crisis of knowledge about it? *Psikhologicheskiye issledovaniya – Psychological Studies*. 8(40). pp. 12. [Online] Available from: <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1120-belinskaya40.html#e3>. (Accessed: 10th May 2018). (In Russian).
2. Savelyeva, E.N. & Budenkova, V.E. (2016) Identity as a topic of theoretical and methodological analysis: models and approaches. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 1(21). pp. 31–44. (In Russian). DOI: 10.17223/22220836/21/4
3. Sergodeyeva, E.A. (2008) Ekzistentsial'naya bezopasnost' lichnosti v situatsii globalizatsii [Existential security of the individual in the situation of globalization]. *Nauchnyye problemy gumanitarnykh issledovaniy*. 12. pp. 99–107.
4. Grechko, P.K. (2010) Identichnost' postmodernistskaya perspektiva [Identity postmodern perspective]. *Voprosy sotsial'noy teorii*. 4. pp. 171–190.
5. Prasolova, K.A. (2009) *Fanfikshn: literaturnyy fenomen kontsa XX – nachala XXI veka (tvorchestvo poklonnikov Dzh. K. Roling)* [Fanfiction: literary phenomenon of the end of the 20th – early 21st centuries (the creativity of J.K. Rowling's fans)]. Philology Cand. Diss. Kaliningrad.
6. Eko, U. (n.d.) *On some functions of literature*. [Online] Available from: <https://www2.bc.edu/richard-burley/files/eco-onsomefunctions.pdf>. (Accessed: 10th March 2018).
7. Samutina, N.V. (2013) The Great Female Readers: Fan Fiction as a Literary Experience. *Sotsiologicheskoye obozreniye – Russian Sociological Review*. 12(3). pp. 137–191. (In Russian).
8. Prigozhin, I. (1991) Filosofiya nestabil'nosti [Philosophy of instability]. *Voprosy filosofii*. 6. pp. 46–52.
9. Romanenko, K. (2017) *Bolkonskiy ne umrot, Chatskiy v antiutopii, Oblomov v budushchem: fanfikshn po russkoy klassicheskoy literature* [Bolkonsky will not die, Chatsky in the anti-utopia, Oblomov in the future: fanfiction on Russian classical literature]. [Online] Available from: <https://gorky.media/context/bolkonskiy-ne-umret>. (Accessed: 10th March 2018).
10. Skaf, M. (2017) Potteriana: desyat' let spustya. O granitsakh mezhdru fanfikshn i avtorskim tekstom [Potteriana: ten years later. On the boundaries between fanfiction and the author's text]. *Oktyabr'*. 11. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/october/2017/11/potteriana-desyat-let-spustya.html>. (Accessed: 10th March 2018).